

Александр Муниров

5 сказок о
пушалах

Александр Муниров

Пять сказок о пугалах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29607296

ISBN 9785449038586

Аннотация

Однажды в сарае при одном доме поселились четыре пугала, толком ничего не знающие о мире: что такое деньги и зачем тратить время на то, чтобы их получить; что хорошо, а что плохо; есть ли у них смысл жизни и что такое любовь; почему люди говорят вещи разумные, а поступают неразумно; почему люди говорят о том, что им хочется, но часто этого не делают; и прочие странные и удивительные, с точки пугал, вещи. Эти сказки о том, как пугала постигали наш сложный человеческий мир.

Содержание

Сказка первая, в которой пугала селятся в сарае, а Старая Шляпа ищет ответы на свои вопросы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пять сказок о пугалах

Александр Муниров

Дизайнер обложки Катя Дракон

© Александр Муниров, 2018

© Катя Дракон, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-3858-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка первая, в которой пугала селятся в сарае, а Старая Шляпа ищет ответы на свои вопросы

Старая Шляпа ничего не знал о своем рождении, кроме того, что это случилось довольно давно и за прошедшее время его несколько раз меняли, то отламывая ноги и приделывая новые, то переодевая, то меняя голову, то перенося его на новое место. Старая Шляпа вообще не был уверен, что является тем же самым пугалом, каким был в момент рождения, но обрадовался, когда все наконец закончилось и его положили в сарае с очевидным желанием постепенно о нем забыть. Пугала не стареют, но к концу прошедшего периода жизни, с регулярными неподконтрольными ему изменениями и переездами, Старая Шляпа ощущал, что уже порядком поизносился, если не снаружи, то внутри уж точно и хорошо, что отныне больше не придется зависеть от чужих желаний.

Это только кажется, что пугалом быть легко и приятно – стой себе и стой: на самом деле не все пугала начинают говорить – ветра, дожди и снег уничтожают их раньше, чем они понимают, что могут разговаривать или, того больше, задумываться о том, на что вообще способны.

– Ага, и ты, значит, считаешь, что вас ставят для того, чтобы отпугивать нас? – говорил, вскоре после переезда Старой

Шляпы в сарай, Черное Крыло, – то есть, мы такие идиоты, что не способны отличить пугало от живого человека?

Старая Шляпа после долго думал об этом и, в итоге, пришел к той мысли, что если ворон говорит правду, и птицы в самом деле не боятся пугал, то у большинства из его рода смысл жизни отсутствует напрочь, и что настоящая жизнь начинается лишь после того, как перестаешь выполнять свою бесполезную функцию. Во всяком случае, возможность начать настоящую жизнь. Если доживешь, конечно.

Черное Крыло стал первым другом Шляпы после его переезда. Других пугал сюда еще не успели привезти, а с людьми он пока что стеснялся общаться. Вместе с воронном они и гуляли, и разговаривали; от Черного Крыла Старая Шляпа подчерпнул немало знаний о птицах и людях.

Люди, например, в мировоззрении Черного Крыла, делились на две группы – те, кого стоит бояться и от них стоило держаться подальше, если, конечно, хочешь жить, и те, кого бояться стоило, но, при этом, к ним стоило держаться поближе. И еще, что все люди жили по определенным правилам.

– Ты же создан по образу и подобию человека, – сказал пугалу ворон, как вариант дальнейшей жизни, – вот и действуй исходя из этих правил.

Однако, копировать жизнь человека было непросто, и поначалу Старая Шляпа просто подглядывал за ними, пытаясь эти правила понять.

Для начала, он установил некоторую закономерность:

пять дней в неделю люди, в большинстве своем, во всяком случае в доме, к которому был пристроен сарай точно, вставали рано утром и куда-то ехали, возвращаясь лишь вечером, а два последующих дня за этими пятью поступали иначе. Похоже было на то, что люди, к концу пятого дня, уставали вставать рано; в пользу этого наблюдения говорило и то, что к его вечеру многие приходили домой не совсем здоровыми. Некоторые даже покачивались, и от них несло каким-то неприятным медицинским запахом.

Но про медицину Старая Шляпа узнал попозже, а до того попытался хотя бы проследить за этими людьми. Однажды он даже влез в большую машину, которую люди называли автобусом и заходили в него по утрам, но пугало тут же осадил какой-то человек, потребовав денег за проезд и не получив их выгнал Старую Шляпу назад, на улицу.

Деньгами оказались разноцветные бумажки небольшого размера, а также аккуратные стальные кружки; деньгами люди постоянно обменивались или меняли их на разные другие предметы.

– Я слышал, что с ними возможно многое, – говорил Черное Крыло, но Старая Шляпа долго не мог вникнуть в суть денег и понять, откуда они берутся. Когда он сам попробовал нарисовать деньги, найдя лист картона в сарае и старую масляную краску, какими красят трубы и позже, когда все высохло, сунул человеку в автобусе, тот возмутился и еще долго ругался вслед бежавшему оттуда в панике пугалу.

– Они уходят и занимаются делами пять дней подряд, – высказал свое мнение Черное Крыло, когда Старая Шляпа спросил его об этом.

– Они и в другие дни занимаются делами, – не понял тот.

– Ты, видимо, дурак, – отвечал ворон, – пять дней в неделю они занимаются делами и получают за это деньги. А в остальное время, они имеют возможность их тратить. Если хотят.

– Тут что-то не то, – качал головой Старая Шляпа, – я сам видел, они тратят деньги в автобусе. И что, при этом едут на нем туда, где их выдают?

– А еще бывают праздничные дни, в которые люди не работают.

– Я ничего не понимаю. Ничего не понимаю. Если мне нужно жить по этим правилам, то надо вникнуть в этот асимметричный порядок. Но он нелогичный, как вникать в то, что не имеет логики?

– Ты вроде дурак дураком, а такие слова знаешь, – каркал в ответ Черное Крыло, – кто тебя изготовил?

Старая Шляпа не помнил.

– Настоящая жизнь начинается вне работы!

Для того, чтобы лучше понять в чем дело, он заглядывал в окна первого этажа, но и там, вне работы, под словом «жизнь», понимались какие-то странные действия – и простые, и сложные одновременно. Если сон еще был понятен с точки зрения биологии – это ворон кое-как сумел объяс-

нить, то другие вещи вызывали у пугала искреннее изумление. Например, какая-то женщина, а оказалось, что люди бьют еще и двух биологических разновидностей, терла мокрой тряпкой пол и вслух возмущалась, что ей никто не хочет помогать, а в соседней комнате, в это же время, мужчина смотрел в какой-то ящик и громко хохотал над словами, доносившимися оттуда.

– Это называется «чувство юмора», – сказал Черное Крыло, но Старая Шляпа очень долго не мог понять, что именно тот имел в виду под чувством юмора.

В других окнах и при других ситуациях все было не менее странно. Кто-то ковырялся тонким и острым предметом в одежде. Кто-то гремел кухонной утварью и нагревал разные смеси на том, что называлось «плитой», хотя на плиту в том смысле, в каком привык понимать Старая Шляпа, это устройство отнюдь не походило. Один человек ухитрялся получать сомнительное удовольствие, поднимая явно тяжелые предметы, и, похоже, предназначенные исключительно для этого. При этом у него было такое выражение лица, что Старая Шляпа едва не бросился на помощь. Но тот, в следующий момент, уже отложил в сторону эти штуkenции и воскликнул:

– Хорошо!!

Что «хорошо»??

В целом же, люди оказались довольно скрытными и не особо стремились показывать свою жизнь, часто занаве-

шивая окна тканью. Кое-кто даже, когда замечал, как пугало подглядывает, начинал злиться и даже порывался «надавать по шее».

– Так и есть. У каждого человека есть что-то такое, что он хочет скрыть, – отвечал ворон через три недели после начала наблюдений.

Концепцию мужчины и женщины Черное Крыло изложил довольно подробно и хотя у Шляпы еще осталось немало вопросов на этот счет, он понял основную идею: мужчины и женщины – разные, хотя это один вид и для того чтобы таковым оставаться, им нужно быть вместе.

– Знаешь, – сказала Глаза-Бусины, внимательно выслушав объяснения Старой Шляпы, вскоре после своего приезда, – давай я буду женщиной, а ты – мужчиной. А там посмотрим, что дальше с этим делать.

Это был логично. В конце-концов Старая Шляпа носил фрак, а Глаза-Бусины – выцветший красный сарафан в белый горошек.

– А вообще, знаешь, бывают и другие ситуации, – сказал позже Черное Крыло и принялся было рассказывать о разных мужчинах и женщинах, но тут уж Старая Шляпа взмолился:

– Слушай, я только установил для себя хоть какую-то определенность! Не ломай, пожалуйста, мне представление, а то получится еще хуже, чем с деньгами.

Глаза-Бусины сильно расстроилась, когда узнала, что птицы не боятся пугал.

– Как же так? – говорила она, – выходит, что мы изначально были сделаны зря?

– Возможно в этом есть какой-то другой замысел, – отвечал ей Старая Шляпа, – просто мы его еще не поняли.

Глаза-Бусины принесли через четыре недели после того, как Старая Шляпа поселился в сарае. Она рассказывала, что стояла в чьем-то частном огороде и что ее всячески украшали, стараясь, чтобы Глаза-Бусины выглядела поприличнее.

– Кажется, соседние пугала мне завидовали, – говорила она.

Завидовать и в самом деле было чему: Глаза-Бусины была сделана из красивых тонких веток, которые раскачивались на ветру, а живой и добрый взгляд на лице, сделанном из старой разрисованной подушки, невольно вызывал улыбку. Старая Шляпа непременно влюбился бы в нее, но к тому времени, как Глаза-Бусины появилась в сарае, его гипотетически возможное сердце уже было занято другой.

На тот момент ей исполнилось девять лет, и у нее были чудесные прямые и длинные, невероятно красивые светлые волосы, чем пугало сразу покорилося и некоторое время рассказывал, что полюбил именно за волосы. Впервые Старая Шляпа увидел ее идущей с другим человеком, выше и больше, а она держала его за руку. В то время пугало был еще

слишком стеснительным, чтобы первым обращаться к людям, боясь, что его не так поймут или посмеются над глупостью, которую он скажет, не зная каких-то человеческих правил, и потому просто наблюдал за девочкой, выглянув из двери сарая.

– Пап, смотри, кто это? – воскликнула девочка, показывая пальцем.

Девочками называются женщины маленького возраста, – объяснил позже Черное Крыло.

Мужчина бросил косой взгляд на Старую Шляпу и бросил без особого интереса:

– Да просто ненужное огородное пугало. Захламляют нам сарай чем попало.

– А мне он кажется красивым, – сказала девочка, и с этой фразы в Старой Шляпе что-то проснулось. Никто еще не называл его красивым, несмотря на то, что он догадывался о значении этого слова. Более того, раньше, применительно к себе, он об этом слове даже не задумывался.

– Ненужный – означает, что тебе не нашлось применения в этой жизни, – говорил Черное Крыло.

С учетом его слов о том, что птицы не боятся пугал, это звучало вполне справедливо. Неясно было другое:

– А что делать, если ты вдруг оказался ненужным? – спрашивал Старая Шляпа.

– Ну что-что... искать смысл. Или исчезать. Третьего не дано.

– Хорошо, – не отставал от него Старая Шляпа, – а вот ты, например, нужный или ненужный?

– Я?! – Черное Крыло от возмущения взмахнул крыльями и нахохлился, – конечно я нужный! Как минимум, помогаю тебе, дураку с ведром вместо башки!

– А если бы меня не было?

– Слушай, балбес! Ты же не думаешь, что вороны живут только ради того, чтобы учить пугал жизни? Есть еще так называемая экосистема, в которой мы выполняем вполне определенную роль. Да и вообще, мы способствуем выживанию себе подобных. Считай, что я живу во имя других, будущих воронов. Понял?

Черное Крыло обиделся на Старую Шляпу и не разговаривал с ним целых три дня, до тех пор, пока пугало не нашел ему в мусорке обрезки какого-то мяса и не положил на крышу сарая.

Слова ворона сильно взволновали Глаза-Бусины.

– Я боюсь, – говорила она своему соседу, – что если мы не найдем оправдание собственному существованию, то долго не протянем, и все очень быстро закончится. Нужно срочно найти смысл. Что мы умеем делать?

Довод Черного Крыла о том, что люди и сами не всегда понимают зачем существуют встретил еще большее непонимание.

– Непонятно, – говорила Глаза-Бусины, – взять того же

человека с железяками, которые он поднимает: какой в этом смысл?

– Я думаю, нужно смотреть шире, – отвечал Старая Шляпа, – правда я и сам пока не понял как, но верю, что мы разберемся.

– Ладно, – отвечала Глаза-Бусины, – тогда я начну с того, что уже поняла.

Сарай, отведенный пугалам, был пристроен к дому; они делили пространство со старыми ведрами, граблями, метлами и прочей ерундой, которую никто не станет держать в квартире, если имеется рядом небольшой сарайчик. Несмотря на кажущуюся ветхость, он был достаточно прочен – два ряда досок и толстый слой керамзита между ними, крыша оклеена рубероидом, а внутри имелось несколько удобных полок и даже большой стеллаж посередине. Глаза-Бусины начала с того, что прибралась внутри, разложив лежащие в нем вещи по местам. Старая Шляпа вскоре с удивлением обнаружил, что если все находится на своем месте, аккуратно сгруппированное по назначению, то становится вполне уютно и достойно не то что пугала – человека, если у того нет повышенных требований к комфорту.

Правда, он так и не понял, как это связано со смыслом жизни.

– Слушай, а вот если, допустим, кто-нибудь не нашел для себя смысл и остается бесполезным, то как долго он про-

существует? – спрашивал он, когда Черное Крыло перестал обижаться.

– Вот бестолочь, – говорил ворон, – ты можешь вообще не знать о своем смысле жизни, делая только то, что считаешь нужным. Это вопрос, на который нет однозначного ответа.

– Но о себе же ты все знаешь, – недоумевал пугало.

– Я – дело другое. Но раз уж ты решил цепляться к словам, то скажу вот что: возможно завтра я возьму и совершу какой-нибудь подвиг. Спасу десять тысяч гнезд от человека, который захочет их разорить. Будет битва и мы оба в ней падём. И потом, в поколениях, будут рассказывать, что я был рожден именно для этого. Но возможно также, что этого не произойдет, так что, на всякий случай, пока я живу для чего-то другого. Так понятнее?

Но Старая Шляпа только и смог, что сделать вывод: в вопросах смысла жизни нет никакой определенности и лучше просто продолжать наблюдать за людьми, а там что-нибудь да прояснится.

Довольно быстро он обратил внимание на то, что люди, как правило, предпочитают жить небольшими группками, и иногда, при этом, являются родственниками друг другу, если пугало верно понял объяснение ворона о родстве, а порой совершенно посторонними друг другу людьми, которых что-то объединяет. Внутри этих групп зачастую имелись связи

куда более прочные, чем любые другие. Люди помогали друг другу, делали что-то этакое, чтобы другим в этой группе было хорошо, хотя, порой, и довольно своеобразно.

Вот так возмущавшаяся женщина, моющая пол, наверняка любила мужчину, который смотрел телевизор. Старая Шляпа изучал их и думал, что она так много делает для него, чтобы тот лишний раз не вставал с дивана, хотя именно это ее и возмущало. В этом тоже не было никакой логики, но Черное Крыло уверял, что в чувствах вообще логика отсутствует.

Наверное тот мужчина с дивана тоже любил ту женщину, но демонстрировал это таким образом, что пугало не мог этого разглядеть.

В других окнах все было примерно также, но всякий раз чуть по своему: одна пара ходила вместе, держалась за руки, сидела дома под одним пледом, готовила еду вместе и постоянно целовалась. Последнее даже Черное Крыло затруднился пояснить – в чем здесь удовольствие. Другая пара – явно более изношенная, чем первая, каждое утро начинала с брани по любому поводу. Им было важно, что мусор не выброшен, и что стаканы не вымыты, важно, что в коридоре было натоптано, а постель не заправлена – все было поводом для ругани. Но при этом они всегда помогали друг другу, а выходили только держа друг друга под руки и медленно шли по улице, тяжело дыша и часто останавливаясь, чтобы передохнуть. Третьи регулярно дрались, ломали, в при-

ступях гнева друг на друга, окружающие вещи, но все равно не расходились, так как ссорились лишь время от времени, а остальное время жили душа в душу. Хозяин этого окна, кстати, когда увидел, что Старая Шляпа наблюдает за ним, вышел из дома и, схватив пугало, бросил его в грязь.

– Сам виноват, – говорил потом Черное Крыло.

– Эх ты, – говорила Глаза-Бусины, когда чистила ему фрак, – ну нельзя же так навязчиво лезть со своими исследованиями. А как же чувство такта?

– Мне кажется, что я почти осознал суть семьи, – делился с ней Старая Шляпа своими наблюдениями, – но не понимаю, почему у всех семьи отличаются.

– Это потому что у тебя мозгов нет! – насмешливо каркал ворон.

– Кыш! Кыш! – Глаза-Бусины поднимала руки-ветки и махала ими на птицу, но Черное Крыло только хохотал, – а мы с тобой семья?

– Думаю да. Я бы сказал, что мы скорее семья, чем не семья, – отвечал Старая Шляпа.

– Вот видишь, мы уже почти как люди, – говорила Глаза-Бусины, – хочешь чаю?

Она где-то подобрала ржавый чайник и разводила из сухих листьев и веток костер на улице. Чаю было немного, его выбросили явно по ошибке, но в качестве утешения для Старой Шляпы вполне годилось. Конечно, он не пил, но само ощущение того, что для тебя делают чай было приятным.

– Где ты научилась готовить? – спрашивал Шляпа.

– Возле меня часто разводили костры и делали еду, – в качестве доказательства Глаза-Бусины показывала обгоревший край сарафана, на который, в свое время, попал уголек.

Как позже узнал Старая Шляпа, семьи во многом создавались ради детей, а завести ребенка пугала не могли. Можно было, конечно, сделать другое пугало и назвать его ребенком, Старая Шляпа и Глаза-Бусины это обсуждали, но до этого так и не дошло, потому что вскоре к ним в сарай въехал Пустая Голова.

Его принесли с первым снегом, рано утром открыв дверь сарая, бросив прямо в проход и тут же закрыв ее снова.

– Ты в порядке? – склонился над ним Старая Шляпа.

– Конечно можно было и не так грубо, – пробормотал Пустая Голова, – интересно, принцип «не делай другим того, что не желаешь себе» – им знаком?

Так они и познакомились, а потом, до конца дня, новое пугало слушал путанные объяснения Старой Шляпы о предназначении и смысле жизни.

– На мой взгляд, – сказал он в итоге, – ты пытаешься мне объяснить вещи, в которых совершенно не разбираешься.

– Я хочу сказать, что все очень не просто.

– Друг мой, – ответил ему Пустая Голова, – мне думается, что ты – та душа, что мечется в поисках знаний, хотя они,

в общем-то, лежат на поверхности. Полагаю так. Никто, кроме тебя, подобными вещами не заморачивается, так как знает, что это – пустое.

– Чайник дело говорит! – сказал Черное Крыло, пролезший в дыру под потолком.

Вместо головы у нового пугала был большой мятый чайник, надетый верх тормашками на деревянную шею.

Новость о том, что птицы не боятся пугал, Пустая Голова воспринял философски.

– Признаться, мне это не так важно, – вот что он ответил, – я всегда верил в то, что смысл нашего создания иллюзорен.

Только, в отличие от Старой Шляпы, он не стал изучать людей или задавать вопросы. Вместо этого, Пустая Голова нашел на помойке несколько старых и грязных книжек и с тех пор его часто можно было увидеть сидящим на улице перед сараем, или на теплотрассе – и читающим. Время от времени, местные алкоголики, частенько употреблявшие сомнительного вида жидкости на этих же трубах, просили его что-нибудь процитировать, и Пустая Голова охотно соглашался.

Пугалам вообще повезло, что рядом с их сараем кто-то организовал импровизированную свалку, где порой находились весьма ценные вещи, которыми можно было обустроить быт в их жилище.

– Думаю, в чем-то мы даже лучше людей, – говорил Пустая Голова чуть позже, когда освоился, – например, мы

не можем замерзнуть и нам не требуется теплая одежда. Достаточно и этой, чтобы прикрыть что-нибудь постыдное.

– Ну знаешь, – говорила Глаза-Бусины, – ты еще даже толком жить не начал, а уже считаешь себя лучше всех.

– Не лучше всех, но и не хуже, – заметил в ответ Пустая Голова, – я всего лишь не преклоняюсь перед людьми и не считаю возможным подглядывать в окна, – он немного помедлил, словно размышляя, стоит ли говорить дальше или нет, но все-таки добавил, – и уж конечно, не стал бы влюбляться в человеческих девочек.

В окно той девочки, что назвала Старую Шляпу красивым, тот не мог заглянуть, так как она жила на втором этаже и это добавляло ей загадочности. Он почти ничего не знал о девочкиной жизни, подметил только, что по утрам, шесть дней в неделю, а не пять, как другие, она куда-то уходила с другой девочкой, которую Черное Крыло называл ее сестрой, а после обеда возвращалась назад.

– Это потому, что она ходит в школу, а не на работу, – говорил Черное Крыло, – дети слишком глупые, чтобы менять свое время на цветные деньги. В школе их научат всему необходимому и уже потом отправят работать.

– Может быть и мне пойти в эту школу? – рассуждал Старая Шляпа, – пусть и меня научат.

– Ох... – вздыхал ворон, – нечего тебе делать в школе. Да и не пустят тебя туда.

И Старая Шляпа просто каждый день ждал девочку на улице, всякий раз якобы случайно попадаясь ей на глаза.

– А вон, смотри, пугало, – сказала девочка своей сестре на третий раз, показав пальцем, – круто, правда?

И помахала Старой Шляпе рукой.

Старая Шляпа помахал ей в ответ.

Сестре он оказался неинтересен. Она как раз рассказывала о том, что мама не слушает ее или что-то вроде того, и ее обида была явно поважнее какого-то пугала.

Старая Шляпа вообще заметил, что дети ему нравятся больше взрослых. Не в последнюю очередь потому, что он их понимал чуть больше. Дети были более искренними и не маскировали свои желания под что-то другое и, что важно, как и Старая Шляпа, не всегда понимали взрослых.

– У меня мама опять ругала папу за то, что тот выпил, – говорила его любимая девочка своим друзьям – двум мальчикам из соседнего дома, приходившим поиграть в ее двор, где, рядом с теплотрассой и бомжами, стояла детская площадка, в то время как во дворе мальчиков – стоянка для автомобилей, – говорит: «Пьяная скотина, зачем ты вообще в таком состоянии приперся домой?!»

Дети смеялись.

Через четыре дня, одного из этих мальчиков, кинувшего мокрым снежком в нее, девочка сама назвала «скотиной».

– Зачем ты вообще приперся сюда?! – крикнула она.

– Думаю, что так мир и познается, – сказал Старой Шляпе

Пустая Голова, также наблюдавший за их играми, он как раз был на теплотрассе, когда тот подошел, – через подражание и игры.

– Точно, – каркнул Черное Крыло, сидевший на дереве неподалеку, – именно так и познается.

– И что, потом получается, эти дети ведут себя также, как взрослые, за которыми они подсмотрели? – изумился Старая Шляпа.

– Ну да, друг мой, – сказал Пустая Голова и вновь уткнулся в книгу, под названием «Детская психология для чайников».

– Ну да, – подтвердил ворон.

Эта мысль немало взволновала Старую Шляпу: родители девочки, судя по всему, были не самой счастливой из семей. Наверное какие-то общие дела обязывали этих людей жить вместе, и вероятно то, что называется заботой в их семье тоже было, но проявлялось несколько своеобразно. Девочкина мама постоянно ругала папу, регулярно рассказывая, что он «должен делать», и список обязанностей всякий раз варьировался от ситуации к ситуации. Старая Шляпа, когда встречал их на улице, постоянно слышал это «должен сделать» и, судя по его наблюдениям, в полный список входило если не все, то ненамного меньше этого «все».

В свою очередь, папа девочки старался говорить поменьше и лишь когда чувствовал, что груз обязанностей ско-

ро похоронит его под собой, начинал возмущаться, обычно со слов «да ты достала уже...», постепенно перетекая в дальнейший скандал со взаимными обвинениями.

Дедушка и бабушка – родители кого-то из родителей девочки, между собой старались не общаться вовсе, потому что каждый их разговор заканчивался склоками и, видимо, родители девочки, в свое время, подсмотрели такой вариант жизни у них и теперь двигались в том же направлении, обрекая, похоже, и девочку на ту же судьбу. Каждый из более старых родственников, в свою очередь, пилил и маму и папу девочки. А вчетвером все они – пилили девочку с сестрой. Не то надели, не то получили в школе, не так выражаются, не доели что-то... причин высказать свое недовольство, как понял Старая Шляпа, было очень много, нужно было лишь захотеть выбрать из длинного списка.

– Неужели таков порядок вещей? – спрашивал Старая Шляпа.

Черное Крыло не умел пожимать плечами, но если бы умел – непременно пожал.

– Думаешь, что они несчастливы? – спросила Глаза-Бусины, однажды сидевшая рядом со Старой Шляпой и наблюдавшая за тем, как семья девочки выгружается из машины и, переругиваясь между собой, тащит огромные пакеты с продуктами к дому.

– Не знаю, – ответил Старая Шляпа, – мне кажется, что есть другие, более приятные способы жить. Надо только по-

нять, какие.

– Опять ты думаешь, что можешь все понять, – улыбаясь его собеседница, – наверное и правда тебя изготовил какой-нибудь мыслитель.

– Наверное, – соглашался Старая Шляпа.

Следующим утром, после метели, он вышел из сарая с лопатой, решив расчистить выход, и увидел Соломенные Волосы.

Новое пугало прислонился к стене у двери и грустно смотрел на вход. Волосы, поверх мешка, из которого была его сделана голова, трепались на ветру, а белая рубашка покрылась ледяной коркой; на простодушном лице с веснушками хоть и была нарисована улыбка, но в свете фонаря она казалась несколько уставшей.

– Давно стоишь? – спросил Старая Шляпа.

– Часа полтора. Не знаю точно, часов-то нет, – сказал Соломенные Волосы, – найдется местечко?

Место ему конечно нашлось.

Все что Соломенные Волосы знал о своем происхождении, он рассказал в первый же день: его сделали для какой-то сельской выставки, но пока туда везли, он сломался, так как его скелет был сделан из тонких реек, чтобы выглядеть изящнее. Водитель пожалел пугало, сделав ему новый скелет из коряги, валявшейся у дороги, воткнул в землю в ближайшем поле, там и оставив. Рассказал, как он пере-

жил пожар и остался живым. Позже выяснилось также, что, несмотря на некоторую скрюченность и неказистость, он выглядел больше других пугал и, к тому же, обладал недюжинной силой.

– Когда меня вытаскивали из земли, один из людей потянул себе спину, – говорил он чуть виновато, но не без гордости.

– Еще один тугодум! – прокомментировал Черное Крыло, когда позже заглянул в щель под крышей сарая посмотреть, как идут дела у пугал.

– Вот я сейчас... – возмутился Соломенные Волосы, но ворон только хрипло расхохотался в ответ.

Новое пугало долго не мог понять того, что Черное Крыло донес до Старой Шляпы в самом начале и очень долго пытался хоть как-то испугать птицу и, в конце концов, так надоел ворону, что тот назвал его самым глупым из всех пугал.

Скорее всего так и было: Соломенные Волосы даже не пытался задаваться теми вопросами, что терзали Старую Шляпу, а когда последний рассказывал ему о смысле жизни и делился наблюдениями за людьми, всякий раз отвечал:

– Понятно.

И становилось понятно, что Соломенным Волосам не только ничего не понятно, но и не слишком интересно.

– Наш друг просто не мучает себя вопросами, – говорил Пустая Голова, вызывая искреннее недоумение Старой

Шляпы, – и ничего плохого в том нет. Допустим, твой пернатый приятель тоже не мучается, и это ему совершенно не мешает жить.

– Чайник дело говорит, – каркал Черное Крыло.

У Старой Шляпы не находилось аргументов, чтобы спорить, но в глубине души он верил, что у пугал с людьми гораздо больше общего, чем у воронов. И не так важно было, что у птиц было сердце, и они дышали, а пугала нет. Дело было даже не в том, что у пугал были руки и внешне они больше птиц походили на людей. Он просто не мог объяснить этой общности. Более того, Старая Шляпа начал подозревать, что ворон все-таки не понимал некоторых вещей и потому часто отвечал на вопросы, вроде: как люди могут ругаться и при этом желать быть вместе – следующим образом:

– Ты просто не понимаешь сути своего вопроса. То, что они орут друг на друга, никак не связано с их настоящим отношением друг к другу, – хотя это не выглядело никаким ответом.

Или просто начинал ругаться, называя пугало бестолочью и не давая никакого ответа вовсе.

И хотя Старая Шляпа в самом деле многого не понимал, ему казалось, что ответ где-то рядом – что еще немного, и он все поймет.

И еще, он не считал что орать друг на друга и жить вместе – в нормальном порядке вещей.

– Я бы хотел, чтобы ей, – Старая Шляпа имел ввиду ту де-

вочку, – было лучше, чем сейчас. Чтобы она не жила так же, как ее родители.

Но как этого достичь – он не знал.

– Попытки переделать человечество еще ни разу не заканчивались успешно, – сказал Пустая Голова, – об этом свидетельствует многолетняя история.

– Причем тут все человечество? – Старая Шляпа о таких масштабах даже боялся задумываться, – я думаю только об одном человеке.

Но пока он рассуждал, Соломенные Волосы быстро и очень просто подобрал свой ключик к детям.

Однажды, во второй половине дня, Старая Шляпа, выйдя из сарая, увидел, как девочка, ее сестра, несколько детей из соседних домов и Соломенные Волосы лепят снеговика. На девочке был надет зеленый пуховик с мехом на капюшоне, уже мокрый от снега, но она этого не замечала и так радовалась снеговика, будто получила подарок, прямо в тот момент говоря окружающим, что надо бы взять из дома морковку, чтобы приделать ему нос.

Тогда Старая Шляпа еще не знал ревности или зависти и потому то ощущение, что родилось в его душе, сложно было назвать одним из этих двух слов. Он подумал, что и правда, наверное, он дурак, раз сам до такого не додумался. Пугало сел на теплотрассу и принялся любоваться строительством очередного подобия человека, сделанного без ка-

кой-либо цели, просто так, из самой любви к созиданию.

– Давай к нам! – махнул ему рукой Соломенные Волосы, – его голова тоже намочила и потемнела, но, как и девочка, он не обращал на это внимания. Девочка тоже обернулась и махнула рукой, а ее улыбка была такой счастливой, что внутри Старой Шляпы потеплело.

Но подходить он постеснялся.

– Надо будет Соломенным Волосам потом подкрасить лицо, – сказала Глаза-Бусины, сев рядом, – кажется оно немного потекло. Нашла в сарае банку с краской. Если сможем ее открыть, то давай подкрасим?

Старая Шляпа только кивнул в ответ; в тот момент его куда больше занимали дети. Маленькие человечки вместо того, чтобы жаловаться на холод, как обычно делают их родители, с таким энтузиазмом создавали снеговика, что это выглядело гораздо более естественным, чем все, что пугало видел в окнах.

– Здорово, – сказал он, и Глаза-Бусины кивнула, хотя, может быть и не поняла, что Старая Шляпа имел ввиду, под этим словом.

– Дети – отличные создания, – заявил Соломенные Волосы тремя часами позже, когда все разошлись по домам, а он вернулся в сарай, опасливо подойдя к старой буржуйке, которую пугала реанимировали, чтобы сохнуть от мокрого снега.

– Как ты нашел с ними общий язык? – якобы безразлично

поинтересовался Старая Шляпа.

– Просто предложил помочь той девочке, что тебе нравится. А потом подошли другие ребята.

Ночью, когда Глаза-Бусины и Соломенные Волосы уже делали вид, что спят, а Пустая Голова читал книгу, Старая Шляпа вышел из сарая. Поднималась метель и ветер трепал фрак пугала, оставляя на нем снежную крошку, задувая ее внутрь, грозя вконец изорвать уже изорванное, но Старая Шляпа не очень переживал за старую одежду: у него уже был припасен на смену замечательный почти новый пиджак, выброшенный кем-то небережливым на улицу.

Снеговик стоял в свете фонаря над подъездом. Слегка неказистый, чуть кривой, но зато сделанный девочкой. Она вылепила ему голову и прикрепила глаза из камешков – разного размера, отчего казалось, что снеговик задорно прищуривается, глядя на мир.

– Эй, – позвал Старая Шляпа, – как ты тут? Не боишься, что тебя ветром сломает? Может быть тебя перенести куда-нибудь в другое место?

Снеговик покосился на пугало и ответил:

– Не страшно, я и так вряд ли долго устою. Но спасибо за заботу.

Через два дня какие-то люди развалили снеговика на части: разбили ему лицо, сломали руки-ветки и растоптали тело.

– Какой ужас, – говорила Глаза-Бусины, – что плохого он сделал? Кому это могло понадобиться? Я думала, что снеговик простоит до весны.

– Да сами дети его и сломали! – объявил Черное Крыло часом позже, – я видел. Что, Шляпа, все еще хочешь походить на людей?

Он хохотал, кружа над стоящими перед останками снеговика пугалами.

– Не верю, – сказал Старая Шляпа, положив руку на плечо Глазам-Бусинам – так делали люди, когда одному было плохо – обнимал или клал руку на плечо.

– Возможно-возможно, – сказал Пустая Голова, издали глянув на то, что раньше было снеговиком, – детям свойственна немотивированная агрессия. Так пишут в книгах.

– Взрослым тоже свойственна! – каркал ворон, – в этом и отличие! Люди убивают из развлечения. Им это нравится. Понимаешь, бестолочь такая? Поэтому мы вас и не боимся – пугала на это неспособны. А ты еще удивлялся тому, что видел в окнах. Им нравится причинять друг другу боль. Нравится! Нравится!

– Не верю, – повторил Старая Шляпа.

И лишь Соломенные Волосы ничего не сказал, но позже, после обеда, вышел и принялся катать из снега шар.

– Зачем? – удивился Старая Шляпа, – хочешь, чтобы и его тоже сломали?

– Конечно не хочу, – Соломенные Волосы остановился

и подобрал морковку-нос, оставшуюся от прошлого, – просто так правильно.

Нового снеговика тоже быстро сломали, но Соломенные Волосы это не остановило, и он сделал третьего. А потом четвертого.

Чертвертого снеговика попытался разрушить сам Старая Шляпа. Ночью, когда никто не видел, он подошел к нему и пнул, отбив от нижнего шара небольшую часть.

– Зачем ты это делаешь? – спросил снеговик. В его голосе не было ни боли, ни сожаления, только удивление, – я ведь могу умереть.

– Я... я не знаю. Я слышал, что люди ломают для удовольствия, – ответил пугало.

– Понятно. Ну как? Чувствуешь удовольствие?

Старая Шляпа не нашелся что ответить и просто сбежал в сарай.

Утром и этот снеговик оказался сломан, но Соломенные Волосы сделал нового, а когда сломали и его, еще одного. Последний снеговик простоял полтора месяца и сломался сам, во время оттепели, когда изрядно подтаял.

По мнению Пустой Головы, снеговики являлись фаталистами. Зная, что их век недолог, они не печалились своей судьбы и вообще крайне легко относились к собственной жизни. Пустая Голова развивал свою теорию, обсуждая ее

с последним снеговиком, но тот не особо разбирался в таких терминах, как фатализм.

Старая Шляпа думал о другом: выходило, что дети тоже были не теми, у кого можно было учиться, и, что страшнее, она – его любовь, выходит, была такой же – бессмысленно жестокой? Как быть в этом случае?

– Верить, – вот что ответил Пустая Голова, после прочтения выброшенной в мусорный ящик Библии, – нет объективных причин для веры, но верить все равно надо. Есть мнение, что люди могут быть гадкими в разной степени и в разных ситуациях, но в душе они все равно хорошие, потому что их создал добрый Бог. Просто их испортили. Как кто? – спросил сам у себя и сам же ответил, – дьявол, конечно.

На вопрос «кто такой дьявол?» Пустая Голова заявил, что это голая метафизика и нельзя все понимать буквально.

– Ха! – сказал Черное Крыло, – ты им будешь верить до тех пор, пока тебя не сломают. А когда сломают – будет уже не до метафизики. Это называется «не успел подставить вторую щеку, пока ломали ноги».

Старая Шляпа не понял ни Пустую Голову, ни Черное Крыло. Но идея верить в то, что дети в целом, и его любимая девочка в частности, – хорошие, ему понравилась.

Если, – как думал он, – постараться исправить эту испорченность, то из детей потом не вырастут странные взрослые, которые совершают такие парадоксальные поступки, какие пугало видел в окнах. Кроме того, если дети и правда под-

ражают взрослым, то есть смысл дать им другой пример для подражания. Но какой – он не еще знал.

Однажды, когда девочка возвращалась из школы вместе со своей сестрой, Старая Шляпа встретил их у двери подъезда.

– О, опять он, – младшая сестра недружелюбно оглядела пугало. Старая Шляпа уже знал, что дети из одной семьи делятся на старших и младших согласно очереди появления на свет и знал, что старшинство во многом определяло их статус. У детей считалось, что старшие ближе к взрослым и, стало быть, лучше. Кроме того, старшие были лучше развиты и, следовательно, физически сильнее, а это многое решало. Об иерархии по степени физического развития Старой Шляпе поведал Черное Крыло, оказавшийся, как выяснилось, настоящим специалистом в этом вопросе.

– Если кратко, то кто сильнее, тот и прав, – заявил он.

Но в случае этих сестер, правило старшинства работало не всегда. Старая Шляпа заметил, что младшая сестра была явно сильнее старшей – его любимой. Дело было не столько в физической силе, сколько в уровне активности. Младшая всегда была инициатором всех игр и нередко случалось так, что в этих играх старшая, несмотря на свое право первой по появлению на свет, проигрывала.

– Позвольте обратиться? – вежливо спросил у них Старая Шляпа, по очереди глядя то на старшую, то на младшую.

Обе девочки смотрели на него. Старшая с интересом, младшая – насупленно, уперев руки в бока.

– Мы тут недавно, – продолжил он, – и я не совсем понимаю некоторых вещей. Вам хорошо, вы можете всему научиться в школе. А нас учить некому. Ничего, если я, время от времени, буду вас спрашивать о том, что мне непонятно? Я постараюсь не навязываться слишком часто.

– Нельзя! – отрезала младшая сестра, а когда старшая попробовала ей возразить, схватила ее за руку и сказала, – пошли домой, нас бабушка ждет.

Старая Шляпа так и не понял причины отказа.

– Может быть со мной что-то не то? – спрашивал он после у других пугал.

– Все с тобой в порядке, – отвечала ему Глаза-Бусины, – для пугала. Мы все не такие. Попроще, что ли. Не всем с нами интересно.

– Не всем людям даже друг с другом интересно, – отозвался из своего угла Пустая Голова, – скажи спасибо, что тебе вообще ответили.

Но все-таки, на следующий день, в дверь сарая постучали и, открыв ее, Старая Шляпа увидел ее.

– Я вам буду помогать, – сказала девочка, – только когда сестра не видит. Хорошо?

– Хорошо... – растерялся Старая Шляпа, хотя позже уверял, что от счастья хотел подхватить ее на руки и закружить.

Она кивнула и ушла.

– Не ищи в этом логики! – заявил, узнав об этом, Черное Крыло.

Но пугало и не собирался, ему и без логики было хорошо.

С тех пор девочка регулярно заходила в гости к Старой Шляпе и рассказывала о себе, время от времени распрашивая и о пугалах.

– А вам не холодно? А что вы едите? А как вы ходите, если у вас нет ног? А вы не боитесь сгнить?

После таких вопросов Старая Шляпа понимал, что и о себе знает немного, не то что о людях.

Однажды девочка задержалась в школе, а после вернулась с мамой. На лице у нее были такие же штуки, называемые очками, какие имелись у всех пожилых людей. Старая Шляпа видел такое и раньше, но никогда не задумывался о назначении, считая их просто атрибутом возраста.

– Дедушка сказал, что у всех со временем портятся глаза. У кого-то раньше, у кого-то позже. У меня, вот, сейчас. Хочешь примерить?

Старая Шляпа посмотрел через очки, но от увиденного сквозь них лишь голова закружилась – настолько все было размытым. Несколько дней он не мог понять, как через них можно хоть что-то разглядеть, прежде чем Пустая Голова, как мог, показал ему эффект оптического приближения в найденном старом учебнике физики.

– А у тебя зрение когда-нибудь испортится? – спросила

девочка.

Старая Шляпа этого не знал, но лишний раз убедился, что быть взрослым – это не всегда хорошо. Чем-то нужно пожертвовать во имя взросления: зрением или необходимостью менять свое время на деньги. И чем ты старше, тем больше требуется жертв.

– А потом что? – спросил он.

– Когда потом?

– Ну... проходит время, портятся глаза, портится что-то еще...

– А... – отвечала девочка, – потом начинают болеть кости, потом сердце... становишься толстым, покрываешься морщинами с головы до ног. Начинаешь шаркать при ходьбе и умираешь.

– А потом что?

– По разному, – девочка пожала плечами, – кто-то говорит, что на небеса попадешь, а кто-то говорит, что совсем ничего не происходит.

Старую Шляпу изумила та легкость, с какой девочка об этом рассказывала. Дело было даже не в том, что он не мог представить ее морщинистой, толстой и шаркающей. Он был уверен, что будет любить девочку и такой. Но то, что начинается за смертью... Старая Шляпа мог многое представить, несмотря на то, что многого не понимал. Но принять, что его однажды не будет, и что в один из дней он не будет никого встречать у входа и не узнает ничего нового – пуга-

ло не мог. Старая Шляпа видел себя неотъемлемой частью мира и не предполагал, что мир может существовать как-то иначе, где его не существует. Конечно, с позиции логики это было возможно, но представить – нет.

– Да, черт побери, это нормально! – говорил Черное Крыло, – смерть естественна.

– Никто не знает, что находится за границей жизни, другой, – сказал Пустая Голова, – поэтому всех пугает не столько сам факт смерти, сколько то неведомое, что таится по ту сторону. На эту тему есть немало теорий, в том числе и религиозных, как, например, упомянутые твоей пассией небеса.

Но Старая Шляпа все равно не понимал.

Однажды ночью, когда луна светила во всю свою мощь, и ее отражение в темных окнах казалось исходящим изнутри дома, он вышел на улицу.

Снеговик, последний, сделанный Соломенными Волосами, стоял на своем месте, чуть посеревший, чуть потерявший свою форму, но все еще живой, вооруженный кем-то брошенной сломанной деревянной лопатой для уборки снега, со старой кепкой на голове, найденной пугалом на помойке. Тень от козырька кепки падала на глаза-камешки, отчего казалось, будто тот спит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.